

З АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ

ЛИСТ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГРОМАДИ ДО СЛОВ'ЯНСЬКОГО З'ЇЗДУ ЕТНОГРАФІВ

У 1868 році групою чернігівської молоді на чолі із І. Л. Шрагом було надіслано листа у Москву до сербської громади, яка брала участь у черговому слов'янському з'їзді етнографів. На цей з'їзд не були запрошені українська та польська делегації, що викликало осуд організаторів з'їзду з боку української інтелігенції. Листа було надіслано за підписом Тараса Воля, як підписувався І. Шраг у своїх виступах на сторінках галицьких газет. Ось зміст цього листа, який подається мовою оригіналу:

«Братское послание украинцев Сербскому обществу «Зоря». Написав Тарас Воля — Вена 1868 р.»

Братья Сербы! На славянском съезде, бывшем в Москве по поводу этнографической выставки, принято было большинством присутствовавших употреблять российский литературный язык за общий орган, свидетельствующий о славянском единстве. Хотя это решение мы не можем признать ни справедливым, ни полезным.

На этом съезде представителей славянской мысли и науки не было представителей польского и украинского племен. Об отсутствии первых было упомянуто в произнесенных там речах и объяснено тем, что поляки иуды славянского мира. Но мы, мы многолюдный славянский народ, оружием и трудом своим покоривший половецкие и татарские степи славянской колонизации, мы, по словам даже московского поэта, никогда не искавшие опоры у чужих и только в общем славянском возрождении чаявшие залеченные раны, нанесенной братьями, мы почему не представлены на этом общественном съезде? Приходила ли Вам эта мысль в голову на московских пиршествах? Не спрашивали ли Вы себя, почему подле г. Полгацкого не сидит Костомаров? Почему нет между гостями Кулиша? Почему рядом с Вами не сидят студенты какого-нибудь из университетов Юга России?

Итак, мы и Поляки, т. е. 20 миллионов славянского народа, не были представлены на этом братском съезде, 20 миллионов, занимающих середину славянского мира. Давайте вспомним историю. Москва внесла к нам крепостное право, против которого отцы наши боролись столетиями с поляками, стерла нашу автономию, не допустила развитие нашего языка казнями, ссылками, переселениями в массах, успела сломить то, чего не сломали поляки.

Перед нашими глазами стоят исхудалые образы наших братьев, погибших в казематах или томящихся в снегах ледовитого побережья за то единственно, что, оставаясь верными царю, считали себя вправе развивать свою песню и учить свой народ на родном языке. В казематах и уральских рудниках, в солдатстве в горах Кавказа, в вечном подозрительном преследовании у себя дома — вот чем заплатили они за свой великодушный порыв. Без сомнения Вам известна судьба певца страданий Украины, судьба нашего неутомимого деятеля Кулиша и историка «Богдана Хмельницкого» Костомарова.

Да, братья! По московской логике любовь к нашей родине признается признаком вражды к России, нам запрещено деятельно любить наш народ, наш язык, наши исторические предания.

Не удивляет ли Вас, что так называемое в Москве «Украинофильство» замолкло, как бы исчезло, не думаете ли Вы, что наше юношество, все люди ума и сердца, живущие в Украине, отреклись от своих убеждений? Нет! Украинофильство только загнано тяжким молотом московским глубже в землю, оно коренится и разрастается в массах, оно потеряло свои прежние благодушия и дышит ненавистью к бесчеловечному и коварному собрату, ненавистью, которой не было, которую он сам создал, а такое нравственное состояние не может остаться без следа. Вот почему мы считаем отсутствие поляков и украинцев на московском съезде многозначительным и считаем этот съезд неудавшимся в смысле славянского братства.

Мы искали нашего Возрождения не в мятежах с оружием в руках, подобно полякам, все надежды мы возлагали на силы моральные, на науку, на торжество справедливости.

Мы не обратились к чужеземцам, а надеялись стать в братском хоре славян, как один из работников славянского возрождения. Немедленно в разных городах образовались юношеские общества под народным названием «громад» с целью «сосредо-

точивать и сохранять все, что составляет бытие народное, поднять его науками, дабы они не были достоянием немногих и тем возвысить как материальное, так и нравственное состояние народа» (слова г-на Георгиевича на московском съезде). Общества эти занялись составлением народных учебников, популярных книг, заведением школ и библиотек, т. е. сделали то же самое, что делают и сербские общества — громады. Ни в чем противогосударственном нельзя было упрекнуть эти благодарные общества, но они говорили и писали по-украински и это показалось московскому общественному мнению государственной изменой, и оно увлекло правительство на путь преследования, в чем особенно продвинулся г. Катков, лобызавший Вас его московским лобызанием. «Вы не народ, вы не язык, вы не существуете, вы изменники государству, ибо пишете на языке Вашего народа; наконец, как последнее доказательство: мы сильны». — Вот что писал наш великий вождь московского централизма нам, народу, охватившему черноморское и азовское побережья, раскинувшемуся от Карпат до Волги и Кавказа.

Москве было выгодно задушить движение и школы, основанные громадами; они были закрыты. Украинский язык строго запрещен во всех учебных заведениях не только, как язык преподавания, но и частных разговоров.

Книги на украинском языке самого невинного содержания, как, например, священная история и детские басни, были отбираемы в домах и сжигаемы, а люди, имеющие их, отданы под надзор полиции. Оставаться под надзором полиции в России имело совершенно иной смысл, чем оставаться в Европе. Молодежь, невинная ни в каком государственном преступлении, но участвовавшая в литературной или педагогической деятельности после долгого томления в казематах, донныне измывает на снежных берегах сибирских рек или северного океана — это называется в России «перевести на другое место жительства административным порядком».

Множество лиц, только по подозрению «в соучастии» — лишилось должностей, или удалены были от своих имуществ и семейств.

Да, братцы! По московской логике любовь к нашей родине признается признаком вражды к России; нам запрещено деятельно любить наш народ, наш язык, наши предания. Удивительно ли после того, что современные поэты наши произносят проклятия памяти лучшего из наших героев Богдана Хмельницкого за то, что он сделал политическую ошибку, связавши нас с Москвою, которая по выражению народной песни «прив'язала камінь на шию своїй сестрі Україні?»

... О, Богдане,
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір
На свою Вкраїну,
Що, колишучи, співала
Про свою недолю,

Що, співаючи, ридала,
Виглядала Волю...
Ой, Богдане, Богданечку
Якби була знала,
У колищі б придушила,
Під серцем приспала!..

Мы дали себе клятву не отвечать ни на какие вызовы московских публицистов и, обреченные на безмолвие, углубиться в плодотворческую работу (изучения своего народа и страны и деятельного сближения с массою нашего народа), вот почему и замолкла полемика о малорусском вопросе. После долгого молчания, мы в первый раз раскрываем наши уста в послании к Вам, братья.

Братья Сербы!.. Вы слышали наши жалобы, мы изложили наш образ мыслей, Примите же в Ваши братские славянские сердца нашу клятву: отдать нашу жизнь труду возрождения нашей народности. Мы знаем, что нас ожидает гонение или насмешение. Мы не страшимся ни того, ни другого. Мы обязаны это сделать. Мы знаем братские пожатия Москвы; нам придется, может быть, возвращаться к первым временам христианства, чтобы найти примеры, способные подкрепить наши нравственные силы. И если нам суждено погибнуть в тюрьмах или ссылках, то помня клич наших предков в минуту гибели: «ще не вмерла козацька мати!», мы будем умирать с верою, что наша плодоносная мать — Украина народит новых бойцов мысли и дела.

Так как в России это послание может быть приписано, если ни к перу, то внушению Костомарова и Кулиша, то мы считали необходимым объявить, что эти почтенные писатели не только не знают нас, но судя по характеру их литературной деятельности, вероятно, не были бы согласны с многими мыслями, здесь изложенными...²

У 1868 р., після з'їзду, поліція звернулася до учасників з вимогою, щоб сербська делегація надала відомості про автора. Але цього не сталося. Посилилися додаткові репресивні заходи у різних містах, що стосувалося виконання Валуєвського 1863 р. Указу про заборону українства. Таємного циркуляра було надіслано у Чернігівський департамент поліції з вимогою посилення нагляду за «лицами, имеющими писательские наклонности».³

Публікація Юрія РУСАНОВА

ПРИМІТКИ

1 Всна — містечко в Галичині, де на час надсилання листа перебував І. Шраг.

2 Державний архів Чернігівської області. — Ф. 145. — Оп. 1141. — Арк. 2.

3 ДАЧО. — Ф. 127. — Спр. 1915. — Оп. 13. — Арк. 4.